

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ДЖ. Г. БАЛЛАРДА

ИМПЕРИЯ СОЛНЦА

ДОБРОТА ЖЕНЩИН

ПОЛНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

РАССКАЗОВ

I голоса времени

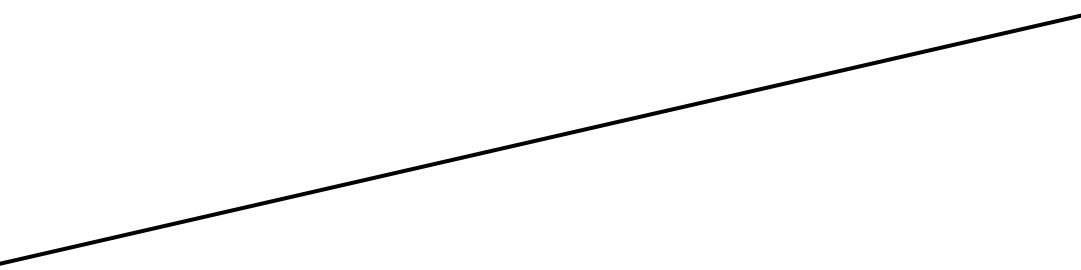
II утонувший великан

III мифы близкого будущего

J. G. BALLARD

**THE COMPLETE
SHORT STORIES**

volume I

ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

голоса времени

коллекция рассказов

FANZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б20

J. G. BALLARD
THE COMPLETE SHORT STORIES
volume I
Copyright © 2001 by J. G. Ballard.
All rights reserved

Дизайн Елены Куликовой

Баллард, Джеймс.

Б20   Голоса времени : [перевод с английского] / Джеймс Баллард. — Москва : Эксмо, 2026. — 704 с.

ISBN 978-5-04-225636-3

Первый том полной коллекции рассказов Джеймса Балларда, в который вошли произведения, написанные в 1956-1962 годах. Это не просто научная фантастика, а исследование «внутреннего космоса» человека, галерея психологических ландшафтов, где внешняя реальность становится отражением потаенных страхов, желаний и одержимостей. Джеймс Баллард погружает читателя в миры, которые одновременно пугают и завораживают своей близостью к нашему собственному подсознанию.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© С. Самуйлов, перевод на русский язык, 2026
© Г. Соловьева, перевод на русский язык, 2026
© О. Макеева, перевод на русский язык, 2026
© Г. Шокин, перевод на русский язык, 2026
© А. Бурцев, перевод на русский язык, 2026
© М. Пчелинцев, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225636-3

Содержание

Введение. <i>Перевод С. Самуйлова</i>	7
Предисловие к сборнику «Алые Пески». <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	9
Прима Белладонна. <i>Перевод О. Макеевой</i>	11
Побег. <i>Перевод С. Самуйлова</i>	30
Концентрационный город. <i>Перевод Г. Шокина</i>	47
Шалость Венеры. <i>Перевод О. Макеевой</i>	73
Люк 69. <i>Перевод Г. Шокина</i>	92
Двенадцатая запись. <i>Перевод А. Бурцева</i>	123
Угодья Ожидания. <i>Перевод Г. Шокина</i>	131
Ноль. <i>Перевод М. Пчелинцева</i>	165
Чистильщик звука. <i>Перевод С. Самуйлова</i>	184
Зона ужаса. <i>Перевод А. Бурцева</i>	233
Хронополь. <i>Перевод Г. Шокина</i>	256
Голоса времени. <i>Перевод О. Макеевой</i>	290
Последний мир мистера Годдарда. <i>Перевод С. Самуйлова</i>	335
Пятая вилла на улице Звезд. <i>Перевод О. Макеевой</i>	355
Конец. <i>Перевод Г. Шокина</i>	402
Перегруженный человек. <i>Перевод Г. Шокина</i>	418
Мистер Ф. всегда мистер Ф. <i>Перевод А. Бурцева</i>	436
Биллениум. <i>Перевод С. Самуйлова</i>	457
Нежной рукой палача. <i>Перевод Г. Шокина</i>	477

Безумцы. <i>Перевод С. Самуилова</i>	497
Сады Благовременья. <i>Перевод Г. Шокина</i>	511
Тысяча грез Стеллависты. <i>Перевод О. Макеевой</i>	522
Тринадцать человек летят к Альфа Центавра. <i>Перевод Г. Шокина</i>	550
Билет в вечность. <i>Перевод С. Самуилова</i>	584
Песочная клетка. <i>Перевод С. Самуилова</i>	611
Смотровые вышки. <i>Перевод Г. Шокина</i>	641
Музыка статуй. <i>Перевод О. Макеевой</i>	675
Человек на 99-м этаже. <i>Перевод С. Самуилова</i>	691

ВВЕДЕНИЕ

Рассказы — мелочь в казне беллетристики, недостойная внимания при наличии такого богатства, как романы, переоцененная валюта, зачастую оборачивающаяся фальшивкой. В своих лучших проявлениях — у Борхеса, Рэя Брэдбери и Эдгара Аллана По — рассказ отчеканен из драгоценного, отливающего золотом металла, блеск которого навсегда останется в глубине кошелька вашего воображения.

Я всегда ценил и ценю рассказы. Мне нравится такое их свойство, как фотографичность, способность сфокусироваться на одном предмете, одной теме. Они полезны тем, что позволяют опробовать идеи, развиваемые затем в романах. Наметки почти всех моих романов появились вначале в рассказах — читатели «Хрустального мира», «Автокатастрофы» и «Империи Солнца» найдут в этом сборнике семена, из которых они выросли.

Во времена, когда я только начал писать, пятьдесят лет назад, рассказы пользовались огромной популярностью, и некоторые газеты каждый день публиковали новый рассказ. К сожалению, на мой взгляд, сегодня люди утратили умение читать рассказы, что, возможно, является реакцией на несуразные, затянутые телевизионные сериалы.

Молодые писатели, включая меня самого, всегда рассматривали свои первые романы как своего рода тест на зрелость, но многие публикуемые сегодня романы выглядели бы лучше, будь они переработаны в рассказы. Любопытно, что

при наличии большого числа отличных рассказов отличных романов крайне мало.

Рассказ тем не менее выживает, особенно в научной фантастике, которая максимально использует свою близость к народной сказке и притче. Многие из рассказов в этом сборнике впервые печатались в научно-фантастических журналах, хотя тогдашние читатели громко жаловались, что они не имеют к научной фантастике никакого отношения.

Но меня больше интересовало реальное будущее, приближение которого я видел, и меньше — будущее изобретенное, которое предпочитает научная фантастика. Что и говорить, будущее — территория опасная и предельно заминированная, оно имеет склонность оборачиваться и кусать вас за лодыжки, когда вы просто делаете шаг вперед. Недавно один корреспондент указал мне на то, что сочиняющие поэзию компьютеры в «Алых Песках» работают на лампах, и спросил, почему в будущем у людей нет персональных компьютеров и пейджеров?

Я смог лишь ответить, что «Алые Пески» помещены вовсе не в будущее, а в некое воображаемое настоящее. Это относится ко всем рассказам в сборнике и почти ко всему прочему, что я написал. Что же касается парового компьютера и ветряного телевизора...

Это уже идея для рассказа.

Дж. Г. Баллард

2001

Author's Note. Первая публикация в авторском сборнике рассказов *The Complete Stories of J. G. Ballard*, 2001.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «АЛЫЕ ПЕСКИ»

«Алые Пески» — мое представление о том, каким будет будущее. Странный парадокс: почти вся научная фантастика, какие бы далекие времена и места она ни описывала, на самом деле — о настоящем. Очень немногие пытались вообразить уникальное, замкнутое в себе будущее, в котором нет предостережений для нас. Быть может, именно из-за этого предостерегающего тона научная фантастика так часто рисует будущее неправдоподобно мрачным. Даже небеса его подобны аду обычных людей.

Алые Пески, напротив, представляют собой место, где я бы с удовольствием поселился. Когда-то я описал этот залитый светом пустынный курорт как экзотический пригород собственного сознания, и нечто в слове «пригород» — произнесенном тогда с пренебрежением — убеждает меня теперь, что я напал на верный след в погоне за послезавтрашним днем. Когда сельская местность скрывается под соусом химикатов, а города представляют собой не более чем изящное оформление дорожных развязок, пригороды, наконец, вступают в свои права. Их небеса шире, воздух щедрее, и часы там не так спешат.

Алым Пескам досталось больше законной доли снов и иллюзий, страхов и фантазий, но в этой рамке они не столь ограничены. Кроме того, мне нравится думать, что она делает честь таким полузабытым добродетелям, как лоск, пыл и своеобразие.

Где расположены Алые Пески? Полагаю, их духовный дом лежит где-то между Аризоной и пляжем Ипанема, но в последние годы я с радостью видел, как они прорываются и в других местах: прежде всего, на тех трех тысячах миль сплошного города, протянувшегося от Гибралтара до берега Глифады вдоль северного побережья Средиземноморья, где Европа каждое лето лежит ничком, подставляя спину солнцу. Эта позиция, разумеется, фирменный знак Алых Песков. Дело не только в том, что никому не приходится работать, но и в том, что работа, по большому счету, есть игра, а игра в конечном счете — работа.

Первый из этих рассказов — «Прима Белладонна» — был и первым из моих опубликованных рассказов, семнадцать лет назад. Образ пустынного курорта с тех пор оставался на удивление постоянным. Я с оптимизмом ожидаю, когда он материализуется вокруг меня.

Дж. Г. Баллард

1975

Preface. Первая публикация в авторском сборнике рассказов *Vermillion Sands*, 1975.

ПРИМА БЕЛЛАДОННА

Из цикла «Алые Пески»

С Джейн Кирацилидис жизнь свела нас в пору Застоя, когда мир окатила волна лени, летаргии и блаженной апатии, свойственной жаркому лету, которое растянулось на целое незабвенное десятилетие. Полагаю, именно время во многом повлияло на то, что произошло между нами. Сейчас мне с трудом верится в то, что я некогда был способен вести себя настолько глупо и безрассудно — но, с другой стороны, возможно, всему виной влияние Джейн.

Говорили о ней разное, но все единодушно сходились в одном: она была красавицей, пускай и смешанных кровей. Сплетни Алых Песков быстро окрестили ее «мутанткой» из-за безупречной кожи, отливавшей червонным золотом, и глаз, формой походивших на скарабеев. Но эти мелочи не отпугивали ни меня, ни моих приятелей, Тони Майлза и Гарри Дивайна, — которые, к слову, с тех пор оценивают своих жен довольно критически.

Тем летом мы коротали время сидя в тени на просторном балконе моей квартиры, расположенной неподалеку от Бич-Драйв, потягивали пиво на первом этаже моего цветочно-музыкального магазина и развлекались игрой в японские шашки го под долгие пустопорожние разговоры. Кроме меня, никто из нас не имел серьезной работы. Гарри считался архитектором, Тони Майлз иногда продавал туристам керамику, а я обычно каждое утро проводил пару часов в магазине, оформляя иностранные заказы и попивая пиво.

В одно особенно жаркое утро, едва я упаковал нежную мимозу-сопрано, заказанную Гамбургским хоровым обществом, с балкона позвонили.

— Магазин музыкальной флоры Паркера? — спросил голос Гарри. — Ты там, похоже, совсем заработался. Иди наверх, мы с Тони хотим кое-что тебе показать.

Поднявшись, я увидел, что оба они скалятся, как псы на мозговую кость.

— Ну, где это ваше «кое-что»? — полюбопытствовал я.

Тони слегка приподнял голову.

— Вон... — Он едва заметно кивнул на гостиницу напротив и предупредил: — Только осторожнее, дырку не прогляди.

Я не спеша уселся в свое кресло и обвел дом взглядом.

— На пятом этаже, — процедил Гарри, почти не размыкая губ. — Прямо напротив, слева от балкона. Ну как, стоит посмотреть?

— Фантастика... — отвечал я, внимательно разглядывая ее. — Любопытно, на что она еще способна?

Гарри и Тони благодарно вздохнули в унисон.

— Как тебе? — спросил Тони.

— Явно не мой типаж, вам и карты в руки. Идите к ней оба, поставьте в известность, что она без вас жить не сможет.

Гарри издал тяжелый вздох.

— Разве тебе не очевидно, что она — поэтическая, роковая, точно вышедшая из древнего моря конца времен? Возможно, она — ангел...

По комнате, двигая стулья, прохаживалась женщина. За исключением огромной шляпы с металлическим отливом, на ней ничего не было. Даже в тени комнаты ее бедра, формой напоминающие лиру, отливали золотом. Она выглядела живым созвездием.

Никогда еще Алые Пески не видали ничего подобного.

— К ней нужен тонкий подход, — продолжал Гарри, разглядывая свою банку с пивом, — робкий, почти что мистический. Натиск и хватка тут не помогут.

Женщина нагнулась открыть чемодан, демонстрируя внутреннюю сторону бедер столь бесстыдно, что даже широкие поля шляпы словно бы смущенно затрепетали поверх ее лица. Потом она вышла на свой балкон — и, конечно, заметила, что мы за ней следим. Вернувшись к себе, она задернула шторы.

Мы откинулись на спинки стульев и задумчиво посмотрели друг на друга, словно триумвиры, решающие, как поделить империю, стараясь не говорить лишнего, одним глазком высматривающие возможность схитрить.

Пение послышалось пять минут спустя.

Поначалу я решил, что нарушился баланс щелочной среды у трио азалий, но частоты показались мне чересчур высокими. Звук, тонкое тремоло, идущее неведь откуда, напрочь выбивался за пороги восприятия и сверлил затылок.

Гарри с Тони мрачно воззрились на меня.

— Твой цветник всполошился, — заметил Тони. — Утихомирь сходи, что ли.

— Это не цветы, — ответил я. — Они так не могут.

Звук становился все громче, затылок отзывался на него явственным треском. Я уже собирался спуститься в магазин, но тут Гарри и Тони вдруг повскакивали с кресел и вжались в стену.

— Господи, Стив! Ты погляди! — завопил Тони, с ужасом тыча в сторону столика, в который я уперся рукой. Я и глазом не успел моргнуть, как он поднял кресло и обрушил его на стеклянную столешницу.

Поднявшись, я выгреб из волос осколки.

— Ты что, перегрелся, черт бы тебя взял?!

Тони внимательно изучал то, что минуту назад было столом. Гарри, приблизившись, осторожно взял меня за руку.

— Он был совсем рядом. Как ты, в порядке?

— Смылся, — мрачно сказал Тони. Столь же тщательно он изучил пол балкона, затем свесился через перила и посмотрел вниз.

— Так что же тебе примерещилось? — спросил я.

Гарри уставился на меня в упор.

— Ты что, не видел? Он был дюймах в трех от тебя... королевский скорпион величиной с омара. — Он утомленно опустил на ящик из-под пива. — Даже цветы испугались. Звук совсем прекратился — слышишь?

Когда они ушли, я прибрался и выпил еще пива. Я мог поклясться, что никакого скорпиона на столе не было.

С балкона напротив за мной наблюдала та женщина, теперь уже — не совсем нагая, в халатике из легкой, переливчато мерцающей ионизированной ткани.

На следующее утро я узнал, кто она. Тони и Гарри с женами направились на пляж, вероятно обсуждая вчерашнее происшествие со скорпионом, я же работал в магазине, настраивая с помощью увиолевой лампы огромную Паукообразную Орхидею. Это сложное растение с нормальным диапазоном в двадцать четыре октавы, как и любой певчий цветок, без должного ухода впадало в невротические широтные реверберации, а такое дьявольски непросто выправить. Как самый старый цветок в ассортименте, она, разумеется, оказывала отрицательное влияние на прочие растения. Когда я по утрам открывал магазин, там стоял гвалт, словно в палате для буйных, но стоило чуть подкормить Паукообразную Орхидею и разобраться с кислотностью, как все другие растения улавливали ее сигналы и постепенно утихомиривались. На два такта, на три четверти, многоголосие — все приходило к гармонии.

В неволе по всему свету жило не более десятка настоящих Паукообразных Орхидей, прочие, как правило, либо не пели,

либо прививались от двудольных растений, так что мне, честно говоря, очень с ней повезло. Этот магазин я купил за пять лет до знакомства с Джейн у Сэйерса, наполовину оглошшего. За день до отъезда он вывалил все растения с признаками вырождения в мусорный контейнер на заднем дворе. Опустошая баки с отбросами, я наткнулся на Паукообразную Орхидею — она пышно разрослась на субстрате из морских водорослей и губок.

Я так и не узнал, с чего вдруг Сэйерс решил ее выкинуть. До переезда в Алые Пески он служил куратором старой консерватории в Кью, где впервые вывели поющие растения. Там он работал под руководством самого Менделя. Именно Мендель — тогда он был начинающим ботаником двадцати пяти лет от роду — обнаружил в лесах Гайаны первую Паукообразную Орхидею. Она получила свое название, собственно, из-за того, что ее цветки опыляет гигантский паук, одновременно откладывая яйца в их мясистые почки. Привлекают его при этом, или, по настойчивому утверждению Менделя, гипнотизируют, звуковые колебания, испускаемые чашечкой цветка в период опыления. Первоначально Паукообразные Орхидеи излучали лишь несколько случайных частот, но, скрещивая их, а также искусственно пролонгируя стадии опыления, Менделю удалось вывести гибрид на полные двадцать четыре октавы.

Но в самый разгар главного труда жизни Мендель, совсем как Бетховен в свое время, совершенно оглох, потеряв возможность слышать растения. Правда, он наловчился понимать музыку цветка, лишь только глядя на него. Но, как ни странно, потеряв способность хоть что-то различать из звуков, Мендель напрочь отказался смотреть на открытую им орхидею.

И в то утро мне показалось, что я понял причину этого.

Орхидея неистовствовала. Сначала она отвергала подкормку, так что мне понадобилось промыть ее струей фтор-